

С. В. О н и н а, Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола, 2002.

2 июля 2002 года на заседании Специализированного совета Д 212.116.01 при Марийском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Оленеводческая лексика в хантыйском языке» Софьей Владимировной Ониной. Работа выполнена на кафедре финно-угорских языков Марийского государственного университета. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Н. Ракин (Сыктывкар), кандидат филологических наук Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола).

Оленеводческая лексика до сих пор не являлась объектом специального исследования не только хантыйского, но и других языков, например коми-зырянского, несмотря на то что она связана с одной из важнейших отраслей традиционной хозяйственной деятельности северных народов. Работа С. В. Ониной имеет солидную фактическую базу. Лексический материал извлечен из различных лексикографических и фольклорных источников, а также собран автором в 1992—1998 гг. непосредственно в полевых условиях.

Исследование (170 страниц набранного на компьютере текста) состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения, библиографии, списка источников с сокращениями, списка условных сокращений, приложения «Словарь оленеводческой лексики хантыйского языка». В предисловии обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, указаны источники фактического материала, говорится о научной новизне работы, ее теоретической и методологической основах, о практической значимости, отмечены публикации, конференции и заседания, где излагались и обсуждались как промежуточные, так и окончательные результаты исследования. Во введении, представлен обзор истории изучения оленеводческой лексики хантыйского языка.

Первая глава имеет название «Лексико-семантические группы оленеводче-

ской лексики хантыйского языка». В ее теоретической части рассматривается проблема слова как значимой единицы языка. Приводятся различные определения слова, перечисляются его основные признаки. Говорится о принципах объединения слов в лексико-семантические и лексико-тематические группы. Совершенно справедливо замечание автора о том, что в отдельных случаях граница между лексико-семантическими группами имеет достаточно условный характер, так как семантическое содержание многих лексических единиц многогранно и они могут относиться не к одной, а к нескольким группам.

На материале оленеводческой лексики хантыйского языка С. В. Онина выделяет две основные группы наименований: 1) названия, обозначающие собственно оленей, и 2) лексика, связанная с оленеводством. Каждая имеет свою внутреннюю дифференциацию. Так, в составе первой группы в зависимости от тех или иных признаков, присущих объекту номинации, выделены и рассматриваются шесть подгрупп: общие названия оленей без учета пола и возраста, половозрастные названия, названия оленей по внешним признакам, названия оленей в упряжке, в обозе, названия действий, производимых оленем.

В отдельную семантическую подгруппу выделены клички оленей, т.е. личные названия домашних оленей, находящихся в индивидуальном владении. Как пишет автор, домашним оленям общественного стада клички, как правило, не присваиваются. Анализируемый материал свидетельствует, что значительное количество кличек образовано по тем же принципам, что и нарицательные обозначения оленей. Чаще всего клички и названия оленей по семантическому содержанию совпадают, когда животные обозначаются по внешним признакам, например, по масти, по экстерьерным особенностям головы, туловища и ног, по наличию или отсутствию рогов и их осо-

бенностям, по сходству с другими животными. Специфическими в составе 12 разрядов хантыйских кличек оленей являются лишь наименования, отражающие повадки и нравы оленей, а также какие-либо физические недостатки животных. Во второй основной группе под названием «Лексика, связанная с оленеводством», состоящей из одиннадцати подгрупп, объединены разные по своему содержанию обозначения: анатомические и ветеринарные названия, названия пастухов-олeneводов и их действий, названия, связанные с использованием продуктов оленеводства, названия, обозначающие действия при обработке оленьей шкуры, названия инструментов, нитей, сырья для обработки оленьих шкур, названия нартов, названия из хантыйского календаря и т.д.

При распределении материала по подгруппам в некоторых случаях автор допускает неточности и непоследовательность в соблюдении критериев разграничения. Так, в работе не проводится четкого различия между частями тела оленя как живого организма и частями туши забитого животного. Вследствие этого среди анатомических обозначений оказались *порх* 'передняя часть оленя (от головы до двух передних ребер)'; *порхиун* 'часть туши', таковыми не являющиеся. Вообще, для некоторых разделов характерно, что глубокий анализ подменяется простым перечислением названий, а потому читателю не понятно, например, на каком основании автор разделяет части А и В, имеющие подзаголовки «Названия областей тела животного» и «Анатомические названия». Дело в том, что все названия, перечисленные в части А, за исключением двух названий частей туши оленя, являются обозначениями конкретных частей тела оленя (голова, передняя нога, задняя нога, шея, спина, колено и т.д.), т.е. анатомическими названиями, и в этом отношении ничем не отличаются от слов в части В. Кроме того, рубрикация анатомических названий в начале части В не соответствует рубрикации в тексте изложения ни по количеству (9 и 10), ни по последовательности расположения, например, 2) названия системы органов кожного покрова (с. 47) и 2) названия костей ске-

лета (с. 49), 3) названия аппарата пищеварения (с. 47) и 5) названия аппарата пищеварения (с. 50). Слово *эсэммёр* 'вымя оленьё', т.е. молочная железа с сосками — орган, выделяющий молоко, почему-то приводится в списке названий системы органов кожного покрова (с. 50), *тёр* 'глотка', т.е. часть пищеварительного тракта — мышечная трубка, соединяющая полость рта с пищеводом, приводится в списке названий органов дыхания (с. 50), *щёр пайтты тэххил* 'анальное отверстие', т.е. конечная часть пищеварительного тракта, приводится в списке названий органов мочеотделения и размножения (с. 50), а *нялм* 'язык' помещено в двух разных группах — названий костей черепа и названий аппарата пищеварения (с. 48, 50).

По мнению рецензента, при систематизации и классификации лексики хантыйского языка, обозначающей анатомию оленей, автору следовало использовать более подходящий общепринятый понятийный аппарат, без подразделения на А и В: названия внешних частей тела, названия костной системы и костных соединений, названия внутренних органов, названия кровеносной системы, названия органов чувств, названия мышечной системы, названия нервной системы и т.д.

Специальный раздел в первой главе посвящен названиям месяцев хантыйского календаря, связанных с оленеводством, где приводятся хантыйские названия всех двенадцати месяцев года. Автор отмечает, что во многих случаях для обозначения того или иного месяца употребляется более чем одна лексическая единица. Как свидетельствует содержащийся в данном разделе материал, номинация месяцев в хантыйском языке производится различными способами. Часть названий действительно связана с событиями, относящимися к оленеводству, а также с другими обстоятельствами и явлениями. Так, январь ханты называют месяцем большой темноты, месяцем подсчета оленей и месяцем большого орла; февраль называют месяцем выпадения рогов, месяцем полумрака, месяцем темноты и месяцем короткого дня и т.д. Часть названий хантыйских месяцев можно связать с оленеводством лишь с большой на-

тяжкой, например, одно из названий марта *ай кер тыдӑсь* означает 'месяц маленького наста', название июля *пельна тыдӑсь* означает 'месяц комаров'. А такие названия, например, как *лыпӑт энӑмты тыдӑсь* 'июнь', т.е. 'месяц появления зеленой растительности', *ван хатдӑн тыдӑсь* 'декабрь', т.е. 'месяц коротких дней', вообще не относятся к оленеводческой лексике. Таким образом, содержание раздела не вполне соответствует своему заглавию.

Вторая глава «Структурный анализ оленеводческой лексики хантыйского языка» посвящена структурно-морфологической характеристике анатомической лексики. Здесь отдельно рассматриваются несоставные названия, составные конструкции и структурные единицы, представляющие сложные образования. В ходе исследования автор выявляет и перечисляет все имеющиеся в хантыйском языке структурные типы и модели образования оленеводческих названий. Сложные слова занимают своеобразную промежуточную ступень между однословными названиями и обозначениями предметов и понятий в виде свободных словосочетаний. Отсюда все сложности выделения и классификации двучленных конструкций. Обычно представлены они не только в общеупотребительном словарном фонде, но и во всех разрядах отраслевой лексики — зоонимической, фитонимической, анатомической, топонимической и т.д. Несмотря на усилия многих ученых, данная проблема до сих пор не нашла окончательного решения не только в финно-угорских, но и во многих евроазиатских языках.

Большой интерес представляет раздел об эллиптированных оленеводческих названиях (с. 114—119). Автор выделяет среди них простые и составные обозначения. К сожалению, в работе не дается определение ни простому, ни составному эллиптированному названию, ничего не говорится об их отличительных особенностях, а просто перечисляются структурные модели. Фактический материал данного раздела убеждает, что эллипсису чаще всего подвергается конечный компонент оленеводческого названия. Во мно-

гих примерах этим компонентом оказывается слово *ӱды* 'олень'. В составе некоторых оленеводческих названий опускается первый компонент. В процессе структурного анализа автору следовало бы показать взаимосвязь (если таковая имеется) между структурной величиной соответствующего названия и объемом его смыслового содержания, с одной стороны, и зависимость количества соответствующих структурных единиц от их линейной длины, с другой.

Выводы, содержащиеся в заключительной части работы, убедительны, они отражают суть рассмотренных в основных разделах исследования проблем.

Большую ценность представляет предложение «Словарь оленеводческой лексики хантыйского языка». Содержащийся в нем фактический материал без всякого сомнения будет использован при проведении аналогичных исследований по другим родственным и не родственным языкам.

Наряду с положительными моментами следует отметить также некоторые недостатки. В тексте встречаются примеры неправильной передачи соответствий из родственных языков. Так, вместо коми *кӧин* 'волк самец' надо писать *ай кӧин*, вместо *ек-роп* 'сука' — *энь пон*, вместо *бор тондэр* 'спинка нарты' — *бӧр тондэр*.

Иногда не соблюдаются принятые самим автором установки. Так, во вводной части «Словаря оленеводческой лексики хантыйского языка» (с. 147) утверждается, что одинаковые по форме слова, относящиеся к различным частям речи (*хӱншӱӧ* I 'пестрый олень', *Хӱншӱӧ* II 'Пестрый'), т.е. совпадающие по лексическому составу нарицательные названия и клички, обозначаются римскими цифрами I и II. Однако в самом словаре все подобные примеры даны без цифр.

В целом исследование С. В. Опиной «Оленеводческая лексика в хантыйском языке», несмотря на имеющиеся недостатки, характеризуется актуальностью, научной новизной, практической значимостью и вносит определенный вклад в хантыйское языкознание.

А. Н. РАКИН (Сыктывкар)